

**Материал статьи опубликован на сайте Всероссийской научной конференции с международным участием «ЯЛТА-45/16 Феномен международной дипломатии в истории военных конфликтов»
<http://yalta-45-16.mya5.ru/materialy-dokladov/>**

ООН: мост из прошлого в будущее международного права.

From Yalta-1 to Yalta 2: UN as the bridge from the Past to the Future of the International Law

ООН между Ялтой I и Ялтой II.

*Ивонина О.И., д.и.н., профессор, зав.каф. международных отношений
НГУЭУ(Новосибирского государственного университета экономики и управления)*

Резюме

Статья призвана проследить изменение образа ООН на протяжении 70 лет ее существования в качестве единственной универсальной международной организации. В своем обзор автор прослеживает эволюцию различных подходов к оценке ООН и ее роли в системе нового миропорядка.

Общим вектором дискуссий стала смена представлений об ООН – не только как универсальной межправительственной организации, но и как институте глобального управления.

Такая эволюция исследовательских подходов отразила изменение повестки дня международной безопасности, вынудив современных авторов сосредоточиться на изучении операций по поддержанию мира, финансовых и гуманитарных аспектов, роли неправительственных акторов в деятельности Организации.

В заключении автор приходит к выводу, что изменения в структуре, функциях и повестке дня ООН делают Организацию своеобразным мостом из прошлого в будущее международного права.

Ключевые слова: ООН, международное право, новый миропорядок, негосударственные акторы, международные организации.

Abstract

The article provides an overview of different approaches to the UN and its role in the New World Order.

The author defines the general trend of research of the UN, transitioning from the handling of the UN as universal intergovernmental organization to its understanding as an institution of global governance. This trend was determined by changes in international security agenda.

Contemporary authors have focused on the financial and humanitarian aspects, peace-building, climate change and participation of non-state actors in UN activities.

The author concludes that the change in the structure, functions and agenda of the UN makes it a bridge from the past to the future of International Law.

Key words: United Nations, International law, New World Order, non-state actors, international organizations.

В среде экспертов и практиков давно идут дискуссии по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в созидании, развитии и упрочении международного правопорядка.

По мнению ряда исследователей, за время, прошедшее после создания в 1945 году Организации Объединенных Наций, она не претерпела радикальных изменений и по-прежнему отражает исторические обстоятельства своего возникновения, а именно – безусловное доминирование стран антигитлеровской коалиции к моменту окончания Второй мировой войны. Продолжавшийся в течение всей послевоенной истории процесс возвышения и упадка наций не получил адекватного отражения в структуре и принципах деятельности Совета Безопасности как высшей инстанции по проведению политики обеспечения мира. Единственное признание изменений политической карты мира произошло в 1965 году, когда число членов СБ было увеличено с 11 до 15, причем новые места были представлены странам из категории «непостоянных членов», которые входят в состав Совета Безопасности более двух лет.

Несоответствие СБ потенциальной роли инструмента управления мировым сообществом в решающих вопросах войны и мира связано с полномочиями внутреннего круга постоянных членов. Постоянная оккупация этих мест в течение неограниченного времени свидетельствует, по мнению экспертов, как о неосновательном приписывании себе некоторыми обладателями права вето неизменно сохраняющихся способностей и силы воздействия на мировые процессы, так и о пренебрежении демократическими принципами и мнением остального мира. Государства, которые давно утратили статус великой державы, который только и оправдывал их постоянное место в СБ, сегодня изо всех сил цепляются за свои привилегии в ООН, будучи не в силах смириться с трагическим изменением своего ранга в структурах глобальной политики.

Профессор университета им. Дж. Вашингтона Джеймс Розенау предпринял сравнительное исследование подходов юристов-международников к роли ООН и пришел к выводу о наличии двух десятков функциональных определений этого института многосторонней дипломатии. Подавляющее большинство американских юристов считают ООН в первую очередь устоявшейся рутинной организацией, раздираемой противоречиями национальных интересов и ценностей ее членов-государств настолько, что в целом она не в состоянии предпринимать решительные действия, не соответствующие букве Устава. Важным мотивом критики ООН является ее зачисление в разряд недемократичных структур, т.к. входящие в ее состав крупные и сильные государства – державы глобального и/или регионального масштаба обладают большей властью, чем малые и слабые для защиты собственных национальных интересов и повышения международного престижа [1, p.11].

Существенные разногласия обнаруживаются в среде экспертов-международников по проблеме традиционности («историчности») ООН. Признавая факт создания ООН в качестве очередной попытки западных демократий обеспечить мир международному сообществу, многие авторы признают ее неудачной. ООН не спасла мир от продолжительной «холодной войны» и многочисленных «горячих» конфликтов, подобно тому, как образование Лиги Наций не смогло предотвратить Вторую мировую войну. Предпринятые «голубыми касками» операции в Корее (1950–1953), Персидском заливе (1990–1991), Косово (1999), хотя и сыграли важную роль в деле силового обеспечения мира, были осуществлены по следам событий, *post factum*, т.е. тогда, когда агрессия уже состоялась. Таким образом, основная задача ООН по предотвращению агрессии и недопущению применения силы или угрозы силой не была реализована.

Причиной низкой адаптации Организации Объединенных Наций к вызовам современности профессор Техасского университета У. Росту (в прошлом – глава Комитета политического планирования госдепартамента)

считает инерцию следования историческим образцам международного права. Созданная в результате послевоенного баланса между державами-победительницами во Второй мировой войне, ООН по-прежнему исходит из доктрины национально-государственного суверенитета и равновесия сил между основными акторами мировой политики. В условиях растущей глобальной взаимозависимости роль ООН как единственного (по существу монопольного) международного института легального разрешения межгосударственных конфликтов, по мнению Росту, уже не так эффективна, как во времена Ялтинско-Потсдамской системы [4, p.140].

Кроме того, за последнее время существенно изменился сам характер угроз миру и безопасности: многочисленные конфликты происходят сегодня уже не между суверенными государствами на почве пограничных и территориальных разногласий, а разворачиваются внутри государств, принимая форму гражданских войн, межконфессиональных и межэтнических столкновений. Прежняя задача Совета Безопасности ООН заключалась в том, чтобы обезопасить мир от войны и вооруженного насилия, поэтому авангардная роль СБ как органа, занимающегося вопросами возникновения риска войны между отдельными государствами была вполне оправдана и соответствовала нормам Устава ООН. Сегодня, когда происходит формирование нового понятия политики безопасности как действий по защите в первую очередь людей, а не только государств и территорий, от агрессии, геноцида, бедности, экологической опасности и экономических рисков, роль Совета Безопасности должна измениться.

Перечисленные обстоятельства стали одним из побудительных мотивов выдвижения различных планов реформирования ООН. В ходе обсуждения проблем реформирования ООН мнения разделились. Отвечая на вопрос о том, нужны ли вообще структурные реформы ООН, сторонники функциональной концепции международных отношений полагают, что Организация Объединенных Наций в целом справляется с задачами, заложенными в ее Уставе – обеспечение мира, защита прав человека, решение международных

проблем социально-экономического и гуманитарного характера. В рамках своей ограниченной компетенции ООН даже в изменившихся условиях от Ялтинско-Потсдамской к новой постбиполярной международной системе проделала значительную работу по анализу проблем, разработке концептуальных решений и их практической реализации.

Однако если исходить из понимания новых вызовов и угроз мировому сообществу, превентивную дипломатию и миротворческие операции Организации Объединенных Наций следует признать недостаточно эффективными, т.к. компетенция ООН пока не позволяет ей стать управляющим органом «мирового сообщества», своеобразным мировым правительством. По мнению большинства юристов-международников, в прошлом ни Лига Наций, ни ООН, не выполняли возложенной на них учредительными документами функции превенции международных правонарушений. Лига Наций не сумела предотвратить Вторую мировую войну, по окончании которой мир почти сразу же столкнулся с противостоянием держав в «холодной войне».

Однако, по мнению У. Ростоу, у Организации Объединенных Наций сохраняется шанс на то, что третья попытка создания «мирового правительства» цивилизованных народов окажется более успешной. Свои надежды на адаптацию ООН к меняющимся глобальным обстоятельствам автор связывает с изменением повестки дня этого «международного форума», способной привлечь внимание к проблемам миграций, беженцев и вынужденных переселенцев; угрозе окружающей среде и здоровью людей, нуждам развития, политическим правам и свободам; вопросам борьбы с наркотрафиком и распространением оружия массового поражения. В этом случае ООН станет конкретным выражением той формирующейся цельности, которая именуется «международным сообществом» и выступает основным вкладчиком в эволюцию новых глобальных норм и инновационных решений [4, р.143].

Начиная с 90-х гг. XX в., ООН начинает прибегать к использованию гуманитарных интервенций: вмешиваясь во внутренние межэтнические и гражданские конфликты, она ставила перед собой, по существу, не свойственные ранее никакой международной организации амбициозные задачи полного восстановления политических, экономических и социальных структур, т.е. выступала в роли оккупационной силы. По мнению специалистов, эти новые цели ООН не всегда подкреплялись необходимыми для их выполнения ресурсами и легитимным мандатом. Так, миротворческие силы ООН, размещенные в зоне гуманитарной интервенции, зачастую не имели соответствующего военно-политической ситуации оснащения и вооружения, их численность была недостаточной, не решалась проблема передачи национальных военных соединений под командование ООН. Из-за отсутствия согласия в Совете Безопасности мандат миротворческих сил формулировался нечетко. Это объясняется переходным статусом современных миротворческих операций ООН: от допускаемого международным правом применения силы для защиты гражданского населения в районах вооруженных конфликтов до создания миротворцами квазигосударственных структур на контролируемых ими территориях.

Проблема реформирования ООН стала ключевой в процессе обсуждения международниками вопросов соотношения национального и международного права, способов преодоления коллизии норм внутреннего, регионального и универсального законодательства, противоречий международной и национальной юрисдикции.

Новые угрозы миру и новые функции Совета Безопасности ООН

Устав ООН, в котором сохраняется принцип государственного суверенитета, санкционирует вооруженную интервенцию внутри какого-то государства лишь в том случае, если возникшая в нем ситуация представляет угрозу миру. Поэтому до тех пор, пока ситуация в какой-либо стране не начнет

оказывать трансграничного воздействия, никто не вправе вынуждать Совет Безопасности прибегать к вооруженному вмешательству в интересах людей, даже если их права нарушены, а действия правонарушителей (правительств, политических и этнических групп) могут квалифицироваться как международные преступления.

По мнению ряда международников, интересам мирового сообщества в целом и принципу верховенства права пошло бы на пользу дополнение Устава ООН формальным указанием на необходимость интервенций силами ООН с целью защиты людей от грубого нарушения их безопасности даже в том случае, когда это нарушение не имеет никаких международных последствий. Четкое определение обстоятельств, которые оправдывают гуманитарную интервенцию (т.е. такое легальное вмешательство мирового сообщества во внутреннюю компетенцию государства, которое призвано пресечь нарушение прав человека), могло бы содействовать формированию универсальных, общеобязательных и общепринятых критериев, а не произвольных и не выбранных по случаю (*ad hoc*) участниками процесса принятия решений в Совете Безопасности.

То обстоятельство, что СБ, принимая решения о необходимости, либо, напротив, нецелесообразности осуществления гуманитарной интервенции, демонстрирует неодинаковый подход к аналогичным случаям, объясняется сочетанием в Совете Безопасности двух компетенций правосудия.

С одной стороны, поскольку лишь Совет Безопасности выносит суждение по вопросу факта – имело ли место нарушение права, которое делает оправданным применение санкций, постольку этот орган ООН выполняет роль всемирного интервенционного суда. С другой стороны, признав факт правонарушения, Совет Безопасности принимает решение о применении силы и осуществляет миротворческие операции, т.е. выступает в роли мирового полицейского.

Функционируя одновременно и как всемирный суд, и как мировая полиция, Совет Безопасности ООН подчиняется политической логике.

Применение же норм права, при котором аналогичные случаи рассматриваются на основе равного подхода, предполагает юридическую логику. Для того, чтобы СБ направлял урегулирование конфликтов в цивилизованное русло, т.е. чтобы при применении норм права аналогичные случаи рассматривались на базе равного подхода, необходим орган, способный принимать решения не из политических, а из чисто юридических соображений. Это значит, что вопрос должен рассматриваться не на основе определенных политических интересов и политических оценок, что в силу различий между участниками Совета приведет к взаимному блокированию позиций и сделает невозможным принятие общего решения, а на основе заранее согласованных правовых норм, чтобы любой конкретный случай можно бы было квалифицировать юридически. Одним словом, в правоприменительной практике ООН должен возобладать принцип «law by reason» над логикой «law by power» [5 , p.243].

Этот тезис можно считать манифестацией нового подхода к международному праву со стороны молодого поколения международников в лице А.М. Слэйтер и Дж. Айкенберри. По их мнению, неоднократно повторявшийся постулат о взаимосвязи действенности права и стоящей над ним силы является эмпирическим преувеличением. Монополия силы – лишь один из факторов, определяющих эффективность правоприменения. Соблюдение правовых норм должно обеспечиваться, в первую очередь, легитимностью правовых норм и легитимностью их применения. Легитимность, в свою очередь, зависит от системности и универсальности международного права, признаваемого всеми его адресатами, что гарантирует равное право для всех [6 , p.30-33].

Таким образом, в идеале эффективное выполнение Организацией Объединенных Наций своей роли гаранта стабильности мирового правопорядка требует выполнения двух условий. Во-первых, ООН должна руководствоваться системой норм международного права, которые признаются и выполняются всеми участниками мирового правопорядка, а во-вторых,

системой правоприменения, основанной на существовании процессуальных и материальных норм международного правосудия.

Однако, по общему признанию юристов-международников, именно последняя до сих пор слабо разработана, что проявилось в применении силы со стороны НАТО против Югославии, мотивированном нарушением прав человека в Косово; в операции США против Ирака, мотивированной тем, что – в нарушение резолюции ООН – эта страна продолжала разработку и накопление оружия массового уничтожения. В первом случае был создан опасный для мирового сообщества прецедент несанкционированного ООН вмешательства региональной организации во внутреннюю компетенцию суверенного государства, во втором – был осуществлен возврат к политике и логике «сила против права».

ООН как «организация-форум»

Успех нового правопорядка зачастую связывают с превращением Организации Объединенных Наций в широкий политический форум, на котором конкурируют различные модели обеспечения национальной и коллективной безопасности, представляющие интересы суверенных государств, коалиций, альянсов и региональных союзов. Превращение ООН в «организацию-форум» позволит создать такую систему представительства интересов ведущих акторов мировой политики, которая адекватно отражает самые разные и противоречивые тенденции современного развития.

Реформа представительства в ООН должна учитывать как становление новых национальных центров мировой системы в лице Германии, Италии, Индии, Японии, Кореи, Индонезии, Бразилии, Мексики, Египта, Нигерии, ЮАР, так и возрастающее влияние региональных блюстителей миропорядка в лице ОБСЕ, ЕС и других МПО. В идеале, постоянные члены Совета Безопасности должны представлять в этой универсальной международной

организации все «релевантные группы» интересов, а не горстку «богатых и сильных государств».

Предоставление региональным союзам места постоянных членов в Совете Безопасности сделало бы ООН организацией, способной адекватно реагировать на вызовы глобализации: осуществлять борьбу с терроризмом, международной преступностью, предотвращать возникновение межнациональных и внутригосударственных конфликтов. В то же время встраивание в систему органов ООН региональных структур снизит риск того, что какая-то группа заинтересованных государств попытается, руководствуясь этническими или политическими интересами, вынудить ООН предпринять интервенцию от имени всего мирового сообщества.

В настоящее время ООН представляет собой организацию переходного типа. С одной стороны, Организация Объединенных Наций является структурообразующим элементом классической системы международных отношений, основанной на принципах суверенного равенства входящих в нее государств, с другой – демонстрирует стремление адаптировать свою структуру и функции к вызовам глобализации. В итоге сегодня ООН принадлежит двум мирам глобальной политики – исторически сложившейся мир-системе государств и становящейся системе глобального миропорядка. Развиваясь одновременно в двух мирах, ООН вплоть до настоящего времени является единственным глобальным механизмом поддержания как правопреемственности норм международного права, так и их прогрессивного развития.

Различные оценки настоящего и будущего Организации Объединенных Наций зависят от того, что воспринимается в качестве ведущей тенденции мировой политики – преемственность или трансформация.

Отправным моментом обсуждения новой архитектуры международных отношений стало признание факта необратимого распада Вестфальской системы, составлявшей основу прежнего миропорядка и международного права. Как известно, система мирных договоров 1648 г., завершивших 30-

летнюю войну, стала точкой отсчета для существования современного «государства-территории» как главного участника международных отношений и основного актора международного права. Признанием суверенитета каждого государства в сфере внутренней и внешней политики было положено начало становлению основополагающих принципов международного права – невмешательства государств во внутреннюю компетенцию друг друга (*domain reserve*), уважения свободы и равноправия, мирного сосуществования народов независимо от конфессиональной принадлежности их суверенов. Вестфальский мир содержал специальную оговорку, направленную против возможных претензий со стороны универсальных политических сил – имперских правителей тогдашней Европы (Папы Римского и Императора Священной Римской империи германской нации) по наведению порядка на территориях государств-участников договора. Тем самым, он стал первым в истории западных государств соглашением антиимперского, антигегемонистского характера.

В современных условиях глобализации, динамичного расширения новых областей и участников транснациональных отношений неограниченный суверенитет государства превращается в фикцию, резко уменьшая его способность осуществлять контроль над населением, территорией и ресурсами средствами национальной политики и на основе норм национального права [8].

Национальное правительство начинает делиться монополией на управление (как основой суверенности) с транснациональными корпорациями, традиционными межправительственными международными организациями (ООН, МВФ, ВТО), а в последнее время и с международными неправительственными организациями. Об этом свидетельствует неуклонно возрастающий международный авторитет таких МНО, как «Гринпис», «Международная амнистия», «Врачи без границ», «Комиссия наблюдателей за соблюдением прав человека», суждения которых заслушиваются конференциями и специальными органами ООН.

Межправительственные организации как обладатели делегированных им отдельными государствами полномочий оперируют нормами поведения государств: принимают на себя обязательства и несут ответственность за их недолжное исполнение или нарушение. Таким образом, сфера и характер деятельности МПО регулируется их учредительными документами. Деятельность МНО и ТНК, напротив, остается вне пределов досягаемости национального государства.

При оценке влияния отмеченных процессов и преобразований на деятельность ООН самая большая трудность возникает в определении роли, компетенции и суверенитета государств. Движущие силы глобализации делают границы более прозрачными, юрисдикции менее определенными, государственный суверенитет менее значимым, а национальное управление менее эффективным. Воспринимая подобные метаморфозы международной правосубъектности как временные аномалии, многие специалисты отказываются примириться с мыслью о том, что государство отныне не обладает монополией контроля за территорией, населением и ресурсами как главным атрибутом суверенности, а поэтому должно во все большей степени разделять власть с другими участниками на субнациональном, транснациональном и наднациональном уровнях. Они признают факт снижения суверенитета, предвидят разделение полномочий государств с МНО в будущем, однако настаивают на том, что государства и в новых условиях обладают исключительным правом принуждения и свободой действий по отношению к другим участникам мирового процесса, а потому по-прежнему выступают главными акторами мирового правопорядка [7].

Политическая культура ООН во многом продолжает ориентироваться на суверенитет и доминирующую роль государств в процессе международного общения, т.е. поддерживает исторически сложившиеся контуры мирового правопорядка. С другой стороны, вовлекаясь во внутригосударственные конфликты, наряду с конфликтами международными, осуществляя миротворческую и гуманитарную деятельность, ООН демонстрирует

способность откликаться на перемены. Признаком формирующейся новой политической культуры ООН аналитики считают все большую озабоченность большинства ее членов проблематикой прав человека и демократического правления. По этим вопросам государства все более склоняются к признанию того, что все, происходящее в данной сфере, легитимно становится общим делом. В итоге глобальная политическая культура основывается на понятии сопутствующих юрисдикций, когда первоочередные задачи по защите прав человека и демократии сохраняются за отдельными государствами, а Организация Объединенных Наций имеет право подключаться к их выполнению даже с использованием силы, если сами государства не выполняют своих обязательств в этой области.

Подобному сдвигу в соотношении национальных юрисдикций и международного правосудия сопутствовало изменение политической и правовой культуры государств, новому пониманию их суверенных прерогатив и компетенции ООН. Если в первые десятилетия существования ООН инициаторами применения санкций к нарушителям норм международного права выступали отдельные государства, то позднее государства стали сторонами, реагирующими на инициативы основных структур и органов ООН. Ментальность типа «суверенное государство дает согласие» постепенно заменилась новым принципом принятия решений по общезначимым для всего мирового сообщества вопросам – «все государства должны двигаться в заданном направлении». Понимание ограниченности возможностей решения глобальных проблем и противостояния глобальным угрозам вынуждает государства разрешать ООН в соответствии с новыми задачами и сознательно отказываться от части своих суверенных прав в пользу этого пока еще символа всемирного управления.

Подобный сдвиг в культуре ООН эксперты считают важным показателем большей, чем прежде, готовности государств к многостороннему сотрудничеству в решении глобальных проблем. ООН пока не стала, и вряд ли когда-нибудь станет мировым правительством, но уже достигла такой стадии

своего развития, когда государства ищут ее одобрения за те действия, которые еще недавно считались их суверенными прерогативами.

Необходимость коллективных действий и глобальной кооперации способствует исчезновению прежних барьеров восприятия государствами друг друга сквозь призму цивилизационных и статусных параметров. Не случаен акцент представителей современной международно-правовой доктрины на постепенно формирующемся ценностном единстве различных акторов мировой политики в постбиполярном мире, где значение идейных и политических барьеров сведено к минимуму, а различие статусных параметров нивелируется глобальной взаимозависимостью [2].

Итак, несмотря на противоречивые последствия глобализации для формирования новой институциональной и нормативной базы мирового правопорядка, невзирая на рецидивы прежней политики, в которой решающая роль принадлежит государствам, настаивающим на своем суверенитете и национальном интересе, ООН стала мостом через пролив, соединяющий два мира мировой политики. Этот мост обеспечивает доступ МНО и отдельным индивидам в мир-систему государств и доступ национальных государств в многополярный мир, способствуя созидательной конкуренции различных способов обеспечения мира и безопасности, прав и свобод человека.

МНПО и проблема демократизации мирового правопорядка

Обсуждение проблем эффективности новых принципов международного права отразило наличие в среде экспертов-международников двух противоположных подходов к пониманию структуры мирового правопорядка в условиях глобализации. Адепты традиционной теории международной правосубъектности, основанной на общей способности субъекта иметь международные права и обязанности, придерживаются государственнической парадигмы, полагая, что дальнейшее развитие права коллективной безопасности, гуманитарного вмешательства и международного уголовного

правосудия будет сосуществовать с принципами суверенного равенства и независимости государств, сохраняя превосходство «силы права» над «правом силы» [3, p.65].

Сторонники расширения структуры миропорядка за счет включения в него новых акторов, участвующих в механизмах создания, утверждения и пополнения права (ТНК, МНПО, индивиды), полагают, что это приведет к расширению среды применения отдельных норм международного права, а главное – к изменению нормативных и институциональных структур мирового сообщества.

Главной движущей силой транзита мирового сообщества в направлении адаптации и приспособления к вызовам глобализации считаются МНПО (международные неправительственные организации). Они не обременены инерцией истории и сложившихся образцов поведения на международной арене, а потому активно осваивают новые сферы международной коммуникации, содействуя становлению новых отраслей и институтов международного публичного и частного права. Наиболее существен их вклад в дело «расширения и содействия демократии»: проведение мониторинга выборов, контроль за состоянием и соблюдением прав человека, подготовка проекта Конституций, обучение менеджменту, содействие размещению беженцев и вынужденных переселенцев и т.д.

Центральная роль МНПО в мировом политическом процессе проявилась в их регулярном участии в конференциях ООН по вопросам состояния окружающей среды, проблемам устойчивого развития, по правам человека. Члены МНПО официально представлены в таких структурах Организации, как МОТ, ОЭСР, ЮНЕСКО, ЭКОСОС.

Заслугой МНПО можно считать поставленную ими проблему «дефицита демократии» в деятельности международных межправительственных организаций и на глобальном уровне принятия решений в целом. В условиях широкого распространения ценностей демократии и прав человека требование

МНПО сделать прозрачным процесс принятия решений за счет выработки четких процедур воспринимается как голос мировой общественности.

Действительно, по многим ключевым проблемам мировой политики до сих пор нет четких ответов на вопрос о том, кто выносит суждение в споре двух или нескольких государств по различным проблемам (пограничного размежевания, определения размера ущерба, причиненного трансграничным загрязнением и т.д.), кто формирует повестку дня ООН, выделяя приоритетные проблемы мирового развития, кто обеспечивает финансовые, материальные и кадровые ресурсы для решения глобальных проблем, наконец, кто применяет силу или порицание к предполагаемым или признанным нарушителям норм международного права. Решения, как правило, принимаются должностными лицами ООН и многочисленной бюрократией ее структурных подразделений, не считающих себя обязанными отвечать, чьи интересы они продвигают. Тем самым, МНПО выполняют не только функцию общественного контроля за принятием решений по глобальным вопросам, но выступают в роли своеобразных сдержек и противовесов по отношению к государствам как главным акторам традиционного миропорядка.

Конструктивная роль МНПО в переходе к новым принципам деятельности ООН проявляется в обнаружении ими альтернативных путей разрешения глобальных проблем на конференциях по вопросам экологии, прав человека, народонаселению, в обеспечении информацией, предложениях обсуждения новых направлений и путей международного сотрудничества. Таким образом, МНПО как негосударственные участники мирового процесса не только заполняют пробелы в международном праве, которые национальные правительства и наднациональные структуры не могут осуществить сами, но во многом и корректируют повестку дня глобального сообщества.

В условиях расширения функций ООН как гаранта прогрессивного развития международного права важно следовать правилу «золотой середины»: неукоснительное соблюдение международных обязательств государствами-членами ООН должно сочетаться с повышением их ответственности за судьбы

мира как главной, а, возможно, и единственной, универсальной ценности, формирующей основу современного и будущего международного правопорядка.

Список использованных источников

1. Between sovereignty and global governance: the UN, the state and civil society. – N-Y., 1998. – P.11.
2. Carothers Th. Promoting Democracy and Fighting Terror // Foreign Affairs. Jan.-Febr. – 2003.
3. Dupont P. La guerre et le droit: quelle espoir pour le XXI siecle? // Defence national. – 2001. – № 1.– P.65.
4. From globalism to regionalism: new perspectives on U.S. foreign and defense policy. – Wash., 1999. – P.143.
5. Gray Chr. International Law and the Use of Force.– Oxford,2000. – P.243.
6. International Rules: Approaches from International Law and International Relations. – Oxford, 1996. – P. 30–33.
7. McFaul M. The Liberty Doctrine. // Policy Review. – № 112. April-May, 2002.
8. Ивонина О.И. (Новосибирск). От «вечного» к «либеральному миру»: судьба Кантовского проекта в современных теориях международного права // <http://www.rapn.ru/?grup=75&doc=142>

Сведения об авторе

Фамилия: Ивонина

Имя: Ольга

Отчество: Ивановна

Почтовый адрес: 630082, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, д. 252, кв. 78

Домашний телефон, факс, e-mail: 8(383) 2362029; ivonina@ngs.ru

Ученая степень: доктор исторических наук

Ученое звание: профессор

Место работы: (НГУЭУ-Новосибирский государственный университет экономики и управления), кафедра международных отношений

630099, г. Новосибирск, ул.Каменская,56, к.5-205 (полное название учреждения, организации, предприятия, название отдела, факультета, кафедры,

адрес)

Служебный телефон, факс, e-mail:8(383)2439562, ivonina@nsuem.ru

Занимаемая должность: зав.кафедрой международных отношений(полностью)